

сти». Въ жизни же есть источники, дающіе радость красоты никогда неизсякаемые: природы, животныхъ, людей. И главное—любовь».

Добро и красота должны быть соединены, одно безъ другого—отвратительно. «Добро безъ красоты—мучительно, красота безъ добра—отвратительна. Красота — вѣнецъ добра».

Ш.

Бросающіяся въ глаза при систематическомъ прослѣживаніи противорѣчія въ толстовскомъ ученіи примиряются въ его большемъ и сложномъ «я», въ которомъ давали временный перевѣсъ другъ другу начала противоположныя. То онъ рационалистъ, борющійся съ официальной церковностью; догматикъ, хватающійся за послышки рационалистическія въ жаждѣ отдыха отъ мучительныхъ душевныхъ бурь; то онъ мистикъ, исповѣдующій вдохновенную религію любви и служеніе человѣка—искры божественной—всемірному Свѣту. Толстой не былъ прямолинеенъ и не могъ идти неуклонно впередъ, не оборачиваясь по сторонамъ и не хватаясь за все, къ чему влекли его интересы ума и сердца. Онъ искалъ самъ лично, трагедія исканій и сомнѣній была его личная трагедія, онъ пережилъ ее такъ, какъ-будто до него